

Он каждый день машинально делал по одной фотографии на память. Даже потеряв память, он подсознательно помнил: кто-то обязательно захочет посмотреть его телефон.

Тань Юмин открыл галерею.

Ленивые тюлени, ракушки в морской воде, звёздное небо над ночным морем...

Шэнь Цзунняню и правда жилось не так тяжело, как он себе представлял. Тань Юмин немного успокоился, но всё же не удержался от вопроса:

— А если бы ты так и не вспомнил меня, то ты бы...

— Нет, — Шэнь Цзуннянь посмотрел на него твёрдым взглядом. — Тань Юмин.

— Я бы обязательно вспомнил тебя. — Неважно, сколько лет бы на это ушло.

Даже в то время, когда травма головы мучила его сильнее всего, в его сознании прочно засело нечёткое, но до боли знакомое лицо.

Он не мог вспомнить даже собственного имени. Но каждый раз, когда он приходил на берег моря, голос в голове говорил ему: «Завтра я хочу поехать развлекаться в открытое море!»

Когда он проходил по песчаному пляжу, в ушах звенело: «Как ты смеешь наступать на то, что я написал!»

Когда он ел в одиночестве, этот человек без лица приказывал ему: «Я это не ем, немедленно убери».

Шэнь Цзуннянь пока не мог вспомнить, кто это был. Но его тело, его глаза, уши и сама сила воли ни за что не позволили бы ему забыть этого человека. Этот человек врезался ему в душу ещё в те годы, когда они были несмышлёными юнцами. Шэнь Цзуннянь был обречён вспомнить его, сколько бы времени на это ни потребовалось.

Глаза Тань Юмина снова начали краснеть. Шэнь Цзуннянь нахмурился, совершенно не понимая, как его утешить. Он успокаивающе погладил его по спине:

— Знаешь, как я вдруг вспомнил прошлое?

Тань Юмин покачал головой. Остров Одиннадцатой зоны находился совершенно в другой стороне от залива Чивань. Он лежал против океанического течения, в самой глубине фьорда. Остров был полностью закрыт и использовался только для нефтепереработки. Сказать, что он

был отрезан от мира, не было бы преувеличением.

Согласно предположениям экспертов и данным компьютерных моделей, Шэнь Цзуннянь никак не могло занести в эти воды. Чжао Шэнгэ и Тань Юмин включали этот район в карту поисков, но он не был приоритетным направлением. Поэтому они так долго не могли его найти.

Но Шэнь Цзуннянь сказал ему:

— Десять дней назад наша бригада отправилась в открытое море для работы над совместным проектом с Сингапуром. Я случайно увидел логотип поискового зонда корпорации «Пинхай». На самом деле зонд был очень далеко, я почти ничего не разглядел. Потом он ушёл на глубину. Но...

Он каким-то образом это почувствовал.

— И ещё... Логотип на разделительных спасательных буйках «Пинхай» был очень похож на тот узор, который мы в детстве видели в бассейне особняка Гуань. В одно мгновение в голову ворвались бесчисленные размытые фрагменты. Они кричали мне о том, что кто-то меня ищет. Отчаянно, изо всех сил ищет меня.

Звёзды-близнецы не растут из одного корня. Но даже разделённые небом и морем, они способны чувствовать друг друга на одной частоте.

— И постепенно, в какой-то момент, воспоминания вдруг начали проясняться.

В горле Тань Юмина встал ком. Шэнь Цзуннянь спокойно и твёрдо сказал ему:

— Тань Юмин, не плачь. Я смог всё вспомнить только потому, что ты упорно искал меня и не сдавался.

Тань Юмин раскинул руки и крепко-крепко обнял его:

— Конечно же я бы искал тебя! Если бы не нашёл — искал бы дальше. Искал бы всю жизнь, до самой смерти. Я бы ни за что от тебя не отказался.

— Да, спасибо. Но, — Шэнь Цзуннянь сжал его затылок, — не говори глупостей.

Инфраструктура на острове Одиннадцатой зоны была крайне минималистичной. На искусственном клочке суши не было коренных жителей — только сотрудники нефтедобывающей корпорации. Они остановились в самой большой гостинице на острове. Окна выходили на море. Отделка под старое дерево и тёплый жёлтый свет настольных ламп придавали номеру старомодный вид.

После скромного ужина Шэнь Цзуннянь первым пошёл в душ. Увидев, как Тань Юмин хвостиком увязался за ним и прилип к стеклянной двери в ожидании, он нахмурился. Шэнь Цзуннянь хотел что-то сказать, но в итоге промолчал и не стал его прогонять.

На самом деле Тань Юмин хотел просто зайти внутрь вместе с ним. Но он побоялся напугать Шэнь Цзунняня, поэтому пришлось притвориться пайнкой и ждать под дверью.

Шэнь Цзуннянь вышел в банном халате. Капли воды стекали по его обнажённой груди. Вытирая волосы полотенцем, он кивнул в сторону ванной:

— Иди мыться.

Тань Юмин неохотно побрёл в ванную, оборачиваясь на каждом шагу:

— Тогда ты жди меня под дверью.

— ...Угу.

Послышался шум воды.

Тань Юмин позвал из ванной, чтобы проверить:

— Шэнь Цзуннянь?

— Угу.

Тот, кто обычно мог плескаться в ванной полчаса, выскочил уже через несколько минут, даже не вытерев тело насухо. Шэнь Цзуннянь взял фен:

— Иди сюда.

Настольная лампа с бахромой светилась тёплым жёлтым светом. Морской бриз колыхал белые занавески. Тань Юмин покорно опустил глаза и позволил делать с собой всё, что угодно. С головы до ног его окутывала волна тепла. Он вдруг ощутил давно забытое счастье и уют и тихонько улыбнулся про себя.

Хотя Шэнь Цзуннянь и потерял память, он всё равно очень ловко и привычно сушил ему волосы. Между делом он позвал:

— Тань Юмин.

— Ты... ходил к врачу?

— Угу, — Тань Юмин рассеянно теребил пояс его халата. — Но мне кажется, от этого нет никакого толка.

Шэнь Цзуннянь нахмурился и выключил фен:

— Почему это нет толка? Если будешь лечиться серьёзно, то толк будет.

Тань Юмин фыркнул:

— Тогда, когда вернёмся, ты пойдёшь к врачу вместе со мной.

— Угу.

Тань Юмин сделал шаг вперёд и прижался к нему:

— Ты ведь давно знал, что у меня сепарационная тревога из-за тебя?

Шэнь Цзуннянь немного помолчал:

— Я не был уверен. — Он так и не успел отвести Тань Юмина на обследование до того, как с ним произошёл несчастный случай.

Тань Юмин хмыкнул. Он уставился на обнажённую грудь Шэнь Цзунняня. Его рука бессознательно легла на неё и скользнула под халат. Тань Юмин запрокинул голову, не в силах сдержать порыв поцеловать его.

Шэнь Цзуннянь перехватил его за плечо. За его участившимся дыханием скрывалось усилие сохранить спокойствие. Он бережно поправил халат Тань Юмина и пригладил его слегка растрёпанные волосы:

— Я схожу с тобой к врачу, хорошо?

— Мы это вылечим.

Тань Юмин нахмурился и хотел было что-то возразить, но Шэнь Цзуннянь перебил его:

— Ты уже знаешь, что ты мне нравишься.

Брови Тань Юмина разгладились, а уголки губ слегка приподнялись.

Не считая того нелепого разоблачения на яхте, Шэнь Цзуннянь впервые признавался серьёзно и официально:

— Ты давно мне нравишься. Всегда нравился. Нравился на протяжении многих лет.

Тань Юмин расплылся в довольной улыбке:

— И ты мне нравишься.

— Да, спасибо. Но... — Шэнь Цзуннянь тщательно подбирал слова, чтобы не спровоцировать вспышку гнева. — Ты правда уверен, что это именно любовь?

И хотя он сказал это, его рука продолжала мягко поглаживать Тань Юмина по спине. Шэнь Цзуннянь внимательно следил за его реакцией.

Тань Юмин нахмурился:

— В каком смысле?

Шэнь Цзуннянь тут же поспешил объяснить:

— Я не сомневаюсь в тебе и не пытаюсь тебя отвергнуть. Я просто хочу, чтобы ты сделал свой выбор и принял решение после того, как твои симптомы исчезнут. Ну, или хотя бы ослабнут.

— Тань Юмин, — он пристально посмотрел на него своими чёрными глазами и пообещал: — Я буду ждать тебя. Даже если ты передумаешь, я никуда не уйду. Я всегда буду рядом. — В конце концов, он уже давно был готов оберегать Тань Юмина в любом статусе. Член семьи, друг — это не имело никакого значения.

Большая ладонь Шэнь Цзунняня крепко сжала плечо Тань Юмина. Это был успокаивающий жест и одновременно нерушимое обещание:

— Я же говорил: отныне всё между нами будет так, как скажешь ты. И эти слова всегда будут в силе.

— Ты думаешь, что я стал заложником своей болезни и на самом деле не люблю тебя?

Его сердце, едва вкушившее сладость, камнем рухнуло вниз, словно его окунули в чан с кислотой. Тань Юмин громко возмутился:

— Шэнь Цзуннянь, я болен, а не слабоумен! Неужели я, тридцатилетний взрослый мужик со зрелой психикой, не понимаю, кто мне нравится и кого я люблю?!

Он впервые пожалел о том, что раньше не лечился всерьёз. Из-за этого искренность его чувств теперь так закономерно ставилась под сомнение.

Его грудь тяжело вздымалась, каждое слово звучало резко и чётко:

— Я тебе вот что скажу! Я уже оккупировал твою комнату. Каждую ночь я сплю в обнимку с твоей пижамой. Я переносил все твои куртки, потому что так мне кажется, будто это ты меня обнимаешь. Твои простыни, твоё нижнее бельё — я всё это испачкал! И та утренняя эрекция в день Фестиваля Голодных духов... всё это было из-за тебя!

Шэнь Цзуннянь в шоке уставился на него. Тань Юмин надвигался на него шаг за шагом, совершенно не стесняясь в выражениях:

— Хочешь послушать кое-что похуже?! Я так скучал по тебе, что у меня кости ломило. От алкоголя становилось немного легче. А когда я напивался и смотрел на твои фотографии, я просто не мог сдержаться и...

Шэнь Цзуннянь зажал ему рот рукой и строго спросил:

— Кто тебя такому научил?!

— Ты и научил! — громко и самоуверенно заявил Тань Юмин. — Во сне ты меня всему научил! Это всё из-за тебя! — Его первое пробуждение чувств произошло из-за Шэнь Цзунняня, и его жажда наслаждений во сне — тоже из-за него.

Шэнь Цзуннянь нахмурился. Он снова и снова поглаживал его по плечу, пытаясь успокоить, чувствуя одновременно боль в сердце и беспомощность:

— Я не отвергаю тебя. Я никогда тебя не отвергну. Я просто хочу, чтобы ты всё хорошенько обдумал.

Он помолчал немного и спросил:

— Тань Юмин, тебе нравятся мужчины? — Это был очень непростой путь. Тань Юмин мог бы избавиться себя от таких трудностей.

— Мне не нравятся ни мужчины, ни женщины. Я могу любить только тебя. — Шэнь Цзуннянь появился в жизни Тань Юмина задолго до того, как сформировались его характер, предпочтения и воля. То, что Тань Юмин влюбился в него, было предрешиено судьбой.

Словно что-то вспомнив, Тань Юмин торопливо добавил:

— Если ты о Хуан Баоци, то мы с ней даже за руки не держались! Я приносил ей завтраки только потому, что хотел поскорее сдать экзамены и уехать к тебе за границу. Она хорошо училась и помогала мне с заданиями, а еда была просто в знак благодарности. Да и я ей вовсе не нравился. Ей нравились булочки со сладкой начинкой, которые пекла тётушка Тан. Она заставляла меня приносить ей по восемь штук каждый день! Восемь!

В глазах Хуан Баоци эти восемь булочек имели куда больший вес, чем сам Тань Юмин.

Шэнь Цзуннянь нахмурился и приоткрыл рот. Он и подумать не мог, что всё было именно так.

Тань Юмин по своей природе был прямолинеен, не умел держать язык за зубами и совершенно не заботился о том, как это выглядит со стороны:

— Ты мне просто нравишься! Нравишься только ты! Я влюбился в тебя ещё до того, как сам успел это осознать.

— Шэнь Цзуннянь, ты даже представить себе не можешь, что ты для меня значишь.

Член семьи, друг, возлюбленный. Именно Шэнь Цзуннянь сделал Тань Юмина Тань Юмином. Именно он позволил Тань Юмину быть «Тань Юмином».

Душу Тань Юмина больше десяти лет по капле возвращал Шэнь Цзуннянь. Его внутренний стержень был сформирован бескорыстной любовью Шэнь Цзунняня. Его сияние, его благополучие, его счастье — всё это Шэнь Цзуннянь создавал штрих за штрихом, сжигая ради этого самого себя.

Если бы Шэнь Цзуннянь исчез, то Тань Юмин как личность был бы полностью разрушен. Он превратился бы в совершенно незнакомую, искалеченную и пустую оболочку.

Он тихо произнёс:

— Иногда мне кажется, что это ты меня вырастил. Родители дали мне жизнь, а ты бережно поливал меня, как росток. Зимой ты боялся, что я замёрзну, летом — что мне будет жарко. Ты учил меня ездить верхом, учил стрелять. Ты приглядывал за мной, пока я играл, и позволял мне любые шалости. Когда тебя нет рядом, это всё равно, что из моего тела вырвали кусок. Я не умру, но и нормально жить тоже не смогу. От меня останется лишь ходячий мертвец.

Шэнь Цзуннянь больше не мог этого слушать. Тань Юмин, должно быть, был рождён специально для того, чтобы стать его слабостью. Парой фраз он мог размягчить ему сердце. Шэнь Цзуннянь притянул его к себе и крепко обнял. Спокойно, но твёрдо он прошептал ему на ухо:

— Я пойду в Зал Предков и встану на колени.

Тань Юмин резко повернул голову. Его глаза ярко блестели.

— Я пойду в Зал Предков и встану на колени, — твёрдо повторил Шэнь Цзуннянь.

Он уже давно предал мораль, совесть и чувство долга. Тань Юмин был для него важнее всего остального. А наказание и карму он возьмёт на себя.

— Я пойду в Зал Предков, встану на колени и буду молить старших о прощении. Буду умолять их дать согласие и отдать тебя мне. Ради этого я готов на всё.

<http://bllate.org/book/17117/1621287>